

Этим выпуском журнала мы открываем отдельную рубрику «ПРОВОКАЦИИ». Здесь мы будем регулярно публиковать переводы и оригинальные тексты, авторы которых высказывают неожиданные и необычные идеи в самых разных областях философии (метафизика, моральная философия, философия религии и т.д.). Эти идеи играют роль своеобразных интеллектуальных провокаций, они идут вразрез с нашими интуициями и вполне способны радикальным образом изменить взгляды и контуры возможных решений тех или иных философских проблем.

Надеюсь, в будущем рубрика «ПРОВОКАЦИИ» найдет своего преданного читателя, позволяя знакомиться с новыми интересными идеями и исследованиями ярких современных философов.

Главный редактор,
доктор философских наук
А. В. НЕХАЕВ

УДК 17.034
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-127-135

К. МакГИНН

Колледж Иисуса,
Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского
А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск, Россия

ЭГОИСТИЧНЫЕ ГЕНЫ И МОРАЛЬНЫЕ ПАРАЗИТЫ

В эссе поднимаются вопросы происхождения альтруистического поведения. Правильное понимание подобных форм поведения должно принимать во внимание данные наших лучших биологических теорий, которые свидетельствуют о том, что в мире животных (включая вид *Homo Sapiens Sapiens*) нет места для подлинного альтруизма. То, что мы часто ошибочно называем 'альтруизмом', является результатом деятельности эгоистичных генов.

Ключевые слова: эгоизм, альтруизм, эгоистичный ген, манипулятивное поведение, основания морали.

Как возможен альтруизм в мире эгоистичных генов? Гены производят только такие организмы, которые нацелены на собственное выживание, а это значит, что существование организмов, приносящих пользу другим организмам, невозможно. Если бы альтруистический организм возник случайно, в результате спонтанной мутации, он оказался бы в невыгодном репродуктивном положении по сравнению с эгоистичным организмом — вероятность

его размножения была бы ниже, чем у конкурента. И кажется, что в биологическом мире нет места для альтруизма. Подобную картину, конечно, следовало бы немного смягчить, ведь существуют взаимный¹ и родственный² альтруизм; однако данные исключения не снимают основной проблемы, поскольку альтруизм, который мы наблюдаем у человеческих существ, не ограничивается этими весьма узкими видами альтруизма. Не кажется правдоподобным

и то, что подлинный человеческий альтруизм возникает как побочный продукт некоторой в высшей степени выигрышной адаптации — например, рационального мышления, — поскольку трудно понять, почему эволюционный отбор не действует в отношении столь невыгодной формы поведения, или почему рациональное мышление с необходимостью порождает альтруизм в качестве своего побочного продукта. В любом случае, в эссе я буду настаивать на том, что все эти способы объяснения источников человеческого альтруизма для нас закрыты, и нам нужна какая-то другая модель того, что мы наблюдаем в реальности (по известным причинам я также исключаю групповой отбор³). Я буду принимать в качестве неоспоримого тот факт, что подлинный альтруизм действительно распространен в человеческом виде: то есть люди иногда действуют вопреки своим интересам или интересам своих генов ради помощи другим. Я хочу понять, как и почему данная черта эволюционировала, не отказываясь при этом от принципов теории эгоистичных генов. И если наши гены неизменно эгоистичны, почему же мы сами не являемся эгоистами (когда находимся вне зоны действия взаимного и родственного альтруизма)? Почему мы иногда действуем в интересах максимизации репродуктивных перспектив чужих нам генов? Иными словами, почему мы моральны?

Начну я свое исследование с хорошо известной работы Ричарда Докинза *Гонка вооружений и манипулирование* [14, р. 55–80]. В этой работе он отмечает, что действия отдельных животных иногда приносят пользу генам других животных из-за того, что ими манипулируют. Например, кукушка манипулирует камышовкой ради того, чтобы она вырастила ее птенцов в ущерб собственному генетическому потомству. Яйца кукушки имитируют яйца камышовки, а птенцы кукушки отлично имитируют птенцов камышовки. Таким образом, мозговые цепи камышовки используются кукушкой и служат ее интересам. Она действует подобно удильщику, который, демонстрируя приманку своей добыче, заставляет ее переместиться в пределы непосредственной досягаемости для ловли. Докинз сравнивает подобные стратегии с рекламой, пропагандой, гипнозом и наркотиками у людей: средствами ментального манипулирования, которые пользуются восприимчивостью своего объекта манипуляции. Вместо применения грубой физической силы, как при обычном хищничестве, животное атакует разум-мозг другого животного, заставляя его действовать в интересах атакующего. И дело даже не в том, что у атакуемого животного есть ген для вызываемого в нем поведения, формирующий соответствующую генетическую основу для действий, которые на деле служат интересам другого животного; скорее, атакуемое животное заставляет действовать против его собственных генетических интересов манипулирующие им гены другого животного.

Наивный наблюдатель мог бы подумать, что камышовки действуют альтруистично по отношению к кукушкам, щедро жертвуя свои драгоценные ресурсы ради воспитания чужих подкидышей, а затем искренне недоумевать, по какой причине бескорыстный ген камышовки не подвергается отбору. Точно так же наивный наблюдатель мог бы восхищаться жертвой удильщика, которая так альтруистично плавает возле пасти хищника, обеспечивая его легкой добычей. Но ни в том, ни в другом случае этого не происходит: кажущееся альтруистичным

животное просто вводят в заблуждение, им просто манипулируют. У него нет альтруистических генов, хотя его поведение внешне напоминает животное с такими генами. Подобные ситуации в принципе ничем не отличаются от обычного хищничества: добыча не имеет альтруистических наклонностей по отношению к своему хищнику, как бы предлагая себя ему в жертву; скорее, ее чисто физически вынуждают стать чьей-то едой. По мнению Докинза, грубая физическая сила и ментальная манипуляция имеют одну и ту же генетическую основу — гены, влияющие на поведение других индивидов так, чтобы оно служило собственным интересам носителя этих генов, либо путем прямого контакта, либо с помощью манипуляции на расстоянии. Некоторые хищные гены вызывают открытое захватническое поведение, в то время как другие — формируют более тонкую стратегию ментальной манипуляции. Ни то, ни другое не следует интерпретировать как проявление альтруизма со стороны захватываемых или манипулируемых индивидов.

В принципе, мы можем представить себе экстремальные примеры такого манипулирования. Предположим, марсиане прилетают на Землю, желая использовать нас в своих интересах, независимо от наших собственных. Они просто вживляют микрочип в мозг каждого человека и посылают сигналы, которые заставляют части мозга работать таким образом, чтобы обеспечить поведение, выгодное марсианам. В одночасье мы превращаемся в марсианских марионеток, жертвуя собственными интересами на каждом шагу. Наивный наблюдатель мог бы подумать, что мы стали чрезвычайно альтруистичны по отношению к марсианам, и возможно, в нас заложен ген подобного альтруизма, который только что обнаружил свое присутствие. Однако думать так ошибочно: скорее, нами манипулируют, подвергают ментальному принуждению. То же самое могли бы сделать и наркотик, и массовый гипноз, и эффективная пропаганда.

В связи с этим возникает резонный вопрос. Почему такие манипуляции не получили более широкого распространения в животном мире? Очевидно, что это очень эффективная стратегия: использовать энергетические ресурсы других животных в проекте сохранения собственных генов, экономя таким образом время и усилия, — пользуясь данной стратегией умный манипулятор мог бы оставить огромное потомство. Причина, как объясняет Докинз, из-за которой манипуляция не стала еще более распространенной и беззащитной, состоит в том, что между эксплуататорами и эксплуатируемыми идет постоянная гонка вооружений. У камышовки вырабатываются все более изощренные способы перцептивного различения собственных яиц и птенцов с яйцами и птенцами кукушки, в то время как кукушка все лучше и лучше имитирует яйца и птенцов камышовки. То же самое можно сказать и о приманке удильщика. В какой-то момент наступает своего рода равновесие, при котором животное, являющееся объектом манипуляции, соглашается на эксплуатацию, потому что дальнейшее сопротивление окажется слишком дорогостоящим по сравнению с возможными издержками. Камышовке достаточно просто вырастить лишнего кукушонка, ведь дальнейшее улучшение ее способности обнаруживать подкидышей стало бы слишком расточительной тратой ее ресурсов. Другое дело, если бы кукушка полностью вытесняла птенцов камышовки, однако в данном случае издержки достаточно

низки, чтобы позволить некоторую степень эксплуатации.

Подобные представления о манипуляции Докинз использует в своей теории расширенного фенотипа. В сущности, фенотип кукушки включает в себя тело камышовки, поскольку гены кукушки управляют телом камышовки посредством манипуляций. Это ничем не отличается от улитки и ее раковины, или бобра и его плотины, а также прочих примеров, где окружающая среда эксплуатируется в интересах конкретного набора генов. Гены имеют свою 'дальнобойность': гены одного животного могут вызывать поведение другого животного, которое служит их эгоистичным целям. Нет необходимости постулировать какие-либо альтруистические гены: гены всегда вызывают поведение, которое полностью эгоистично в отношении их собственных интересов, — за исключением того, что такое поведение иногда может быть поведением другого животного. Это другое животное также не имеет никаких альтруистических генов — внешне оно может действовать в чужих интересах, но в действительности им манипулируют гены, находящиеся в теле животного, которое извлекает из подобного рода поведения свои эгоистические выгоды. Видимость альтруизма, тем самым, растворяется в эгоистичных генах, манипуляциях и расширенном фенотипе. Следовательно, нет никакой проблемы согласования 'бескорыстного' поведения камышовки с теорией эгоистичных генов; ведь не трудно понять, каким образом кажущийся альтруизм камышовки совместим с жесткими эгоистическими принципами, властвующими на уровне генов. Конечно, камышовка не знает, что она стала объектом манипуляции, и, в действительности, вероятно, даже переживает прилив родительской гордости за то, что она (неволью) довела потомство кукушки до взрослой жизни; и тем не менее, ею все же манипулируют. Она не чувствует обиды за манипуляцию, настолько успешна эта манипуляция.

Здесь мы имеем дело с видом-паразитом — кукушкой, ловко использующей ресурсы вида-хозяина — камышовки. Паразит добывается своего путем обмана хозяина. Мы можем представить себе и другие способы такого паразитизма: например, паразит может вводить химические вещества в мозг хозяина, как это происходит с некоторыми видами муравьев, о которых упоминает Докинз, или заниматься промыванием мозгов, или использовать гипноз. Любая такая стратегия будет давать эволюционные преимущества до тех пор, пока она заставляет вид-хозяина помогать виду-паразита. И мы можем ожидать сильного давления отбора в пользу подобных манипуляций.

Паразитизм в целом является удивительно эффективной эволюционной стратегией, именно поэтому существует так много надоедливых паразитов. Однако вовсе не обязательно непосредственно вселяться в тело хозяина — можно быть паразитом на расстоянии. Наивный наблюдатель может быть изумлен альтруистическим поведением животных, которые столь любезно позволяют паразитам занимать свои тела, делясь своими драгоценными ресурсами; но все мы знаем, что на самом деле подобная ситуация является результатом 'гонки вооружений' между паразитом и хозяином. У хозяина нет, конечно же, никакого гена 'альтруистического' отношения к паразитам, населяющим его тело. То же самое верно и для паразитов-манипуляторов, которые действуют на расстоянии.

Принимая это во внимание, мою теорию можно сформулировать, пусть и несколько грубо, следующим образом: альтруистическое поведение человека является результатом паразитического манипулирования. В данном случае речь идет как о внутривидовом, так и о межвидовом поведении. Мы являемся моральными паразитами по отношению друг к другу, а представители других видов могут быть моральными паразитами по отношению к нашему виду. У нас нет гена альтруизма, поскольку такой ген не прошел бы жесткий отбор, но иногда мы действуем альтруистично. Почему? Ответ прост. Нами манипулируют гены других людей. Большим достоинством моей теории является то, что мы избегаем необходимости постулировать существование бескорыстного гена — его не существует, но есть альтруистические поступки, мотивы, мысли и так далее. Причина моего альтруизма в том, что в вас развилась способность к манипуляции, причина же вашего альтруизма в том, что такая способность развилась во мне. По очевидным причинам манипулятивным генам благоприятствовал естественный отбор; но альтруизму 'хозяина' он никогда не благоприятствовал, — более того, он действовал против него. Альтруизм существует лишь благодаря равновесию, достигнутому в 'гонке вооружений'. Здесь мы видим тот же самый механизм, что и в примере с камышовкой и кукушкой. Поэтому обобщенный вид альтруизма, который мы находим у людей, имеет совершенно иное объяснение, нежели родственный и взаимный альтруизм. Гены для родственного и взаимного альтруизма существуют, так как данные виды альтруизма приносят пользу генам агента-носителя; но универсальный вид альтруизма ('альтруизма в интересах чужаков') не приносит пользу генам агента-носителя — он приносит пользу генам другого агента. И возникает он только через механизм манипулятивного паразитизма. Таким образом, мы решаем проблему существования альтруизма в мире эгоистичных генов. Точнее, мы решаем проблему согласования лишь кажущегося альтруистическим поведения с миром, где царят эгоистичные гены.

Мы можем сформулировать эту теорию в терминах расширенного фенотипа. Гены животного способны воздействовать на окружающую среду, формируя ее, подобно бобрам с их плотинами, кукушкам с их хозяевами камышовками; аналогичным образом гены одного человека способны оказать влияние на поведение другого. В результате действия генов сформированная среда становится частью фенотипа животного, гены которого распространяются таким способом. И точно так же тело одного человека становится частью фенотипа другого человека, потому что поведение данного тела служит интересам генов, находящихся в другом теле. Как будто другое тело действует как своего рода защитная оболочка для животного, которое в действительности им управляет. С помощью ментальных манипуляций я могу управлять вашим телом, заставляя вас действовать в качестве защитной оболочки для моего тела, вынуждая вас вести себя альтруистично по отношению ко мне. Тем самым (кажущийся) альтруизм других людей по отношению ко мне — это просто мои гены, расширяющие свой фенотип в направлении поведения других людей. Вместо того, чтобы физически использовать другое тело в качестве щита (это было бы не очень практичной затеей), я манипулирую этим телом, чтобы оно действовало так, как мне нужно.

Раковины и плотины, очевидно, по своей природе не альтруистичны в оказываемой ими заботе о животном, которое они защищают; они всего лишь часть расширенного фенотипа кучки коварных и эгоистичных генов. Моя теория постулирует, что люди не альтруистичны так сказать 'из-за доброты своих генов'; ими манипулируют эгоистичные гены другого животного, которое сумело расширить свой фенотип за пределы собственного тела. Поэтому любой фенотип, ограниченный или расширенный, служит интересам эгоистичных генов, — независимо от того факта, что иногда поведение животного может быть альтруистическим в том смысле, что оно не служит интересам самого этого животного. Ведь поведение одного животного может быть частью (расширенного) фенотипа другого животного. Ваше альтруистическое поведение по отношению ко мне — это на самом деле мой расширенный фенотип, подчиненный диктату моих генов. Гены успешны в зависимости от того, производят ли они фенотипы, которые позволяют им воспроизводиться, и способствуют ли они расширению своего фенотипа, путем включения в него поведения других, приносящего им пользу, — которое служит для них просто еще одним способом воспроизводства. Создание паттернов альтруистического поведения в других людях с помощью манипулятивных методов — это искусная стратегия успешного воспроизводства генов, расширяющая фенотип одного человека в пределы самой воли другого.

Как можно проверить эту необычную (шокирующую?) теорию? Во-первых, необходимо отметить, что мы как вид исключительно восприимчивы к манипуляциям. Мы легковерны, доверчивы, суеверны, склонны к магическому мышлению, поддаемся гипнозу, становимся жертвами рекламы, служим легкой добычей для джинглов и слоганов, уязвимы для культов и весьма падки на наркотики. Иногда кажется, что мы просто одержимы желанием, чтобы нами манипулировали. Мы жаждем передать ментальный контроль кому-то другому. Нам невыносима собственная автономия (и сопряженные с ней бесконечные решения!). Трудно сказать, почему так получается. Возможно, это отчасти связано с нашей чрезвычайной обучаемостью, — ведь для того, чтобы узнавать нечто новое, мы должны быть предельно открыты всему, что попадает на пути. Возможно, проистекает из какой-то глубокой экзистенциальной тревоги. Но чем бы это ни было, это что-то невероятно мощное и эндемичное. В этом мы похожи на необычайно доверчивых камышовок. Наши 'кнопки' отлично нажимаются. Сегодня, с появлением науки и всего остального, мы, вероятно, более критично настроены, чем раньше, однако, вне сомнений, на протяжении большей части нашего эволюционного прошлого мы были неисправимыми слабаками и простофилями. Во-вторых, мы также являемся и в высшей степени склонными к манипуляциям существами, всегда пытающимися сосредоточить в своих руках влияние на других людей. Просто это инстинктивная человеческая склонность — пытаться получить контроль над умами окружающих людей. Нет смысла заниматься этим в том случае, если люди не восприимчивы к манипуляциям, однако, если они к ним восприимчивы, то использование такой их слабости выгодно для выживания. Наша социальная жизнь зависит от 'управления умами', поэтому мы искусны в науке и технике манипуляции; и вполне вероятно, что этот талант заложен в наших генах. Политика и ре-

лигия в том виде, какими мы их знаем, несомненно, во многом обязаны человеческим талантам манипулирования и нашей слабости к тому, что нами манипулируют.

Третий момент заключается в том, что для успеха манипуляции необходимо, чтобы она не выглядела как манипуляция. Камышовка-мать не чувствует, что она стала объектом манипуляции со стороны кукушки; она просто не замечает этого. Она ощущает себя доброй и заботливой матерью, а не рабыней или марионеткой. Если человеческий альтруизм сам по себе является результатом манипуляции, он не должен *ощущаться* как манипуляция. Это вызовет только чувство обиды и отвращение. Искусный манипулятор, напротив, должен создать у своей жертвы ощущение, что ее действия совершаются свободно, дарят радость, гордость и наполнены чувством собственного достоинства. Ген, который искуснее всего манипулирует разумом-мозгом других индивидов, заставляет жертву *получать удовольствие* от того, что на самом деле является манипуляцией. Поскольку гордость — эмоция, которая весьма приятна людям, оптимальной стратегией станет внушение чувства моральной гордости жертве манипуляции; истинная же природа происходящего должна быть скрыта (как это обычно и бывает в примерах с успешной манипуляцией). Наиболее искусный ген манипулирования вынудит свою жертву наслаждаться поработанием. В случаях альтруистического поведения мы будем ценить данную эмоцию необычайно высоко, вопреки тому, что на самом деле она является результатом циничного паразитизма. В этом мы похожи на камышовку-мать, которая испытывает исключительную гордость и радость, выкармливая кукушку — это необычного на вид члена своего выводка, который безжалостно манипулирует ею, заставляя пренебречь своей собственной семьей и ее запасом драгоценных генов.

Еще одним доказательством может служить точка баланса, наблюдаемая в человеческом альтруизме. Мы альтруистичны лишь до определенной степени. Камышовка не будет продолжать выкармливать кукушат в том случае, если их требования станут слишком обременительными и назойливыми, так как тогда ее гены не будут воспроизводиться в достаточном количестве; в определенный момент ее 'альтруизм' просто-напросто угаснет. Аналогичным образом, если вы потребуете от меня огромной жертвы ради незначительной выгоды для вас, — жертвы, которая существенно повлияет на мою способность к воспроизводству, — я не смогу выжить и оставить потомство, а это значит, что и моя склонность к радикальному самопожертвованию постепенно исчезнет. Как правило, люди альтруистичны только до определенной степени, в противном случае затраты на альтруизм становятся слишком высокими. На самом деле, большую часть времени мы довольно эгоистичны. Каждую минуту в этом мире рождается очередной простофиля, но никто из нас не является полным идиотом. Соответственно, моя теория предрекает факты умеренного альтруизма, жестко ограниченного эволюционными требованиями. И если мы обратимся к статистике, разве найдем там иные факты? Действительно, нами можно манипулировать, вынуждая действовать в чужих интересах, однако после определенной предела мы начинаем сопротивляться манипуляции, защищая собственную эгоистичную природу. Наши эгоистичные гены готовы терпеть лишь огра-

ниченное количество бескорыстных поступков. В принципе они предпочли бы *блокировать* любое бескорыстное поведение, но их организм-хозяин устроен таким образом, что некоторая степень манипуляции неизбежна, — поскольку полное устранение всех манипуляций обошлось бы нам слишком дорого (например, подорвало бы способность учиться и приспосабливаться). Некоторые моралисты сетуют на ограниченность человеческого альтруизма, но (согласно моей теории) такие пределы являются результатом похвального желания сопротивляться моральному паразитизму. Мы способны вытерпеть лишь ограниченное число манипуляций, прежде чем наши эгоистичные гены взбунтуются.

Но существуют ли доказательства манипулятивных намерений? Делаем ли мы такие вещи, которые можно с полным основанием назвать манипуляциями? Я говорю не о действиях, сознательно задуманных как манипуляции, а скорее о функционально манипулятивных действиях. Сомневаюсь, что кукушка пробирается в гнездо камышовки с сознательными манипулятивными намерениями; скорее, она продукт эволюции и ее поведение просто запрограммировано на то, чтобы функционально манипулировать камышовкой. Так что разумным было бы спросить: какое именно поведение людей может иметь такую манипулятивную функцию? Хорошей точкой отсчета здесь может быть человеческий младенец. Он требует внимания (слишком много внимания) и ведет себя так, чтобы его получить: плачет и ревет, хныкает и вопит. В результате — родители прибегают и удовлетворяют его потребности. Альтруизм родителей можно объяснить родственным отбором, но в нем должен быть и компонент простого желания, чтобы эти визгливые звуки прекратились. В мозгу родителей существуют цепи, которые активируются при виде младенца и этих звуках, рефлекторно вызывая альтруистическое поведение. Предположим теперь, что вы хотите заставить кого-то вести себя альтруистично по отношению к вам, но вы уже не младенец. Что бы вы сделали? Скорее всего, *вели бы себя как* младенец, подражали бы его действиям. Скажем, вы попали в аварию, вам больно, и вы нуждаетесь в помощи. Как вам добиться необходимого внимания? Хорошей стратегией было бы действие, нацеленное на паттерны мозга других людей, которые связаны с активацией заботы о младенцах. И вы начинаете орать и рыдать, выть и стонать. Прохожие, наделенные лишь эгоистичными генами, обнаруживают, что паттерны их мозга, которые связаны с заботой о младенце, активированы и спешат вам на помощь, даже не подозревая, что ими манипулируют, равно как и вы не подозреваете, что манипулируете (ведь вы не притворяетесь, что стонете). Их эгоистичные гены кричат им: «Не делайте этого! Мы — те, о ком вы должны заботиться!»; но носитель генов подвержен манипуляциям, и поэтому действует против своих собственных генетических интересов. Это сродни уловке кукушонка с его разинутым клювом. То есть это — своего рода мимикрия. Почему мы стонем, когда нам больно? Стоны не очень помогают справиться с болью, однако они дают понять другим людям, что нам необходима помощь — и стоны, согласно моей теории, срабатывают благодаря манипулятивной мимикрии. Как будто паттерны нашего мозга, связанные с заботой о младенцах, избыточно обобщаются, делая нас восприимчивыми не только к плачущим младенцам, но и к стиmulам, которые они производят. Наш мозг склонен

все упрощать — из-за этого он становится слишком всеохватным. А значит, каждый из нас подвержен манипуляциям, основанным на (бессознательном) подражании младенцам.

Или вспомните о рекламе. Как известно, реклама не является простым информированием потребителя о ваших товарах; это — создание у него всеми доступными способами склонности их приобретать. Рекламодатель использует любые уловки человеческой психологии, чтобы проникнуть к вам в психику и оказать влияние на ваше покупательское поведение. Простое повторение — один из хороших способов добиться этого. Возможно, подобное влияние не служит интересам ваших генов, но в вашем разуме так много слепых пятен, слабостей и иррациональных тенденций, что планы ваших генов, несмотря на их глубоко укоренившийся эгоизм, могут быть сорваны умными рекламными приемами. Аналогичным образом 'моральная реклама' может контролировать ваш разум и поведение: с помощью повторения, использования музыки, подсознательных сигналов и эмоциональной уязвимости. Вспомните разнообразные тактические приемы, которые используются, когда кто-то желает вас убедить в правоте определенной моральной точки зрения: не все они состоят из бесхитростных рациональных аргументов (см. об этом ниже), нередко вместо этого используются манипуляции, эмоциональные и другие уловки. Младенцы, например, часто фигурируют в рекламе не только товаров и услуг, но и моральных позиций. Благотворительные организации могут быть весьма убедительны в своих речах, когда желают вызвать в людях моральные эмоции, и не все используемые ими способы влияния отказываются от манипуляций.

Язык играет ключевую роль в ментальном манипулировании и в представленном здесь контексте поднимает множество по-своему интересных вопросов. Вполне естественно предположить, что язык используется нами ради достижения целей моральных манипуляций. Разумеется, его можно использовать и для моральных рассуждений (опять же см. об этом ниже), но есть и твердая уверенность в том, что он является частью арсенала моральных манипуляторов: риторика, интонация, повторы, поэтика, изменение динамики голоса, — все это может оказывать влияние на слушателей. Есть среди них сладкоголосые обольстители, красно-речивые ораторы и гипнотические рассказчики. Вполне возможно, что язык развивался, по крайней мере частично, как инструмент ментального манипулирования: желая заручиться альтруистическим сотрудничеством других людей, мы создали язык как средство для достижения этой цели. Если бы кукушки умели разговаривать, они могли бы стать гипнотическими ораторами для ушей камышовок. Всякая коммуникация в мире животных, считает Докинз, является манипулятивной и одурманивающей, особенно брачные призывы. Очевидно, что и функция значительной доли человеческой речи состоит в том, чтобы оказать влияние, побудить слушателя сделать то, что вы хотите, — любыми средствами, которые позволяют использовать языковые центры нашего мозга. По этой причине у нас есть такие речевые акты, как жалоба, стенание, выклянчивание, упрашивание, увещивание, мольба, требование, намек, незаметное внушение, запугивание и прикрикивание. Мы хотим, чтобы слушатель был на нашей стороне, был к нам расположен и настроен на альтруизм. Большая часть

обычного человеческого общения связана с моральным влиянием, оказываемым всеми правдами и неправдами. Язык выводит моральный паразитизм на новый уровень изоэтрности. Говорящий пичкает своего слушателя словесными 'наркотиками', надеясь, что тот послужит его манипулятивным целям (не всегда осозанным). Иными словами, гены через язык занимаются психофармакологией: они хотят одурманить слушателя, чтобы он действовал в их корыстных интересах. И слушатель вполне может поддаться на такие 'наркотики'. Язык — это психоделик, вещество, вызывающее измененные состояния сознания.

Разумеется, когда я говорю о функциональных свойствах языка относительно способов его влияния на людей и техник манипулирования, я выражаюсь чисто метафорически (или нет?). Я допускаю, что они играют определенную роль в формировании альтруистического поведения. Кто-то может, однако, возразить, что подобная картина языка слишком цинична. Разве мы не делимся, и в первую очередь из чисто альтруистических побуждений, информацией с другими людьми? Разве не в этом и состоит суть дела? Здесь мы сталкиваемся с любопытным теоретическим вопросом, который я бы назвал 'загадкой лингвистического альтруизма'. Каким образом лингвистический альтруизм может развиваться и сохраняться на протяжении ряда поколений? Ведь, как и любой другой вид альтруизма, он предполагает траты очень ценных ресурсов, которые можно было бы использовать в более эгоистичных интересах, — например, для выращивания огромных половых желёз (любимый пример Докинза). Почему бы мне просто не держать свои знания при себе вместо того, чтобы их транслировать? И почему я в принципе отвечаю на вопросы других людей? Взаимный альтруизм и родственный отбор могут объяснить некоторую часть моего столь самонадеянного поведения, но, разумеется, не все. Вероятно, мы могли бы объяснить лингвистический альтруизм благодаря нашей универсальной теории альтруизма, рассматривая его как продукт манипуляций, — утверждая, что другие люди фактически являются паразитами по отношению к моему запасу знаний. Мои мотивы чисты, когда я в ходе разговора делюсь своими знаниями, даже если мои слушатели манипулируют мной, вынуждая меня тратить силы на то, чтобы просветить их в каком-либо вопросе.

Но есть и другие возможные объяснения, которые кажутся мне более правдоподобными. Одно из них заключается в том, что моя цель — не столько просветить других, сколько повлиять на них: я хочу, чтобы они разделяли мой взгляд на мир, чтобы их действия лучше соответствовали моим желаниям. Ведь что случилось бы, если, говоря людям правду, я наносил бы себе серьёзный ущерб? Надо полагать, что в этом случае мои гены запрограммировали бы меня впредь делать только такие утверждения, которые бы позволили мне, так или иначе, оставаться в выигрыше. В противном случае они были бы уничтожены в последующих поколениях. Мои гены являются гарантией того, что я приобрету склонность формировать свои речевые акты так, чтобы это отвечало их собственным интересам. Как вариант, можно было бы, даже в более циничной манере, рассматривать мои правдивые утверждения как необходимую прелюдию к более зловещим лингвистическим намерениям: какое-то время я говорю вам чистую правду, завоевывая тем

самым ваше доверие, чтобы затем мне было легче вам солгать в тех случаях, когда это принесет выгоду моим корыстным интересам. Мой обмен информацией с вами не столь альтруистичен, как может показаться, он всего лишь средство для достижения моих эгоистичных целей. В любом случае, идея о том, что человеческая речь состоит из альтруистических актов по обмену информацией, имеет очевидные проблемы, — по тем же основаниям, что и любое высказывание в защиту неограниченного альтруизма. Ресурсы, потраченные на что-то одно, — это ресурсы, не потраченные на что-то другое; поэтому всякий неослабевающий и активный альтруизм всегда будет жертвой отбора, вербального или невербального. Язык — это всего лишь один из видов человеческого поведения, к которому применим этот безжалостный биологический закон. Нам нужна концепция языка (в его прагматическом измерении), которая делает его биологически возможным. Необходимо знать, как языковая деятельность может существовать в мире эгоистичных генов. И это возможно, но только при правильном понимании того, как возникает лингвистический альтруизм. Старый добрый ответ 'в интересах вида' явно не подходит, так как ни одно животное никогда и ничего не делает в интересах вида. Пути эволюции должны быть более извилистыми и не такими 'белыми и пушистыми'.

Не могу удержаться и от того, чтобы также не высказать некоторые свои мысли о Боге, — мысли, которые едва ли можно выразить более циничным образом. Как идея Бога проникает в человеческое сознание? С позиций моей теории можно дать такой ответ: идея Бога возникает как тактическая уловка, придуманная эгоистичными генами для достижения своих манипулятивных целей. Если вы хотите побудить других людей к альтруистическим действиям, вам было бы полезно внушить им мысль, что их действия будут вознаграждены или подвергнуты наказанию неким всемогущим божеством. А это значит, что *действительно* умный ген станет не только манипулировать другими индивидами описанным мной способом, но и будет побуждать их испытывать приятные ощущения от подобного рода манипуляций; этот сверхумный ген даст им также и такое представление о Боге, который неотступно печется об их моральном статусе, вознаграждая за альтруистические поступки. И оно должно наделять определенным *авторитетом* побуждения, которые будет испытывать индивидом, ставший жертвой манипуляций. Иными словами, этот сверхумный ген-манипулятор станет продуцировать состояния мозга, выражающие идею Бога, поскольку необходимое ему альтруистическое поведение будет, так сказать, подкрепляться на высшем уровне. Представьте, что произошло бы, если бы, вдруг, генам кукушки удалось создать в мозге камышовки не только паттерн заботы о потомстве, сопровождаемый чувством родительской гордости, но и идею Бога камышовок, который как-то особенно благоволит тем, кто участвует в процессе кормления больших неуклюжих птенцов в их гнездах. Это было бы окончательным решением всех проблем кукушки. Я не утверждаю, что именно так в ходе эволюционной истории идея Бога возникла в человеческом мозге; я лишь утверждаю, что это логически возможный способ возникновения данной идеи, — и способ, который имеет определенную теоретический смысл. Несомненно, гипотеза о том, что религия возникла благодаря махинаци-

ям эгоистичных генов, стремящихся к паразитическим манипуляциям, обладает определенной извращенной привлекательностью. И даже если идея Бога (или богов) возникла каким-то другим способом, скажем, в целях объяснения загадочных для древних людей природных явлений, гены все равно могли бы использовать данную идею в своих манипулятивных целях, соединив таким образом Бога (или богов) с понятием морали. Обращение к Богу отлично работает как инструмент для моральной манипуляции.

Взгляд на роль и место альтруизма в естественном биологическом мире, который я защищал (или, по крайней мере, обсуждал выше), может показаться читателю слишком циничным и даже нигилистическим. Не я ли вам говорил, что мораль основана на чудовищном обмане доверия, на одурманивании, на полном и абсолютном заблуждении? Следует ли нам тогда изо всех сил пытаться противостоять манипуляциям этих коварных эгоистичных генов и полностью отказаться от альтруизма? Возможно, вы с облегчением услышите, что я так не думаю. Я считаю, что подобные манипуляции со стороны генов *на самом деле морально правильны*. Предположим, что камышовка-мать начинает понимать, какова истинная ситуация, — что ее обманом заставляют заботиться о потомстве другой птицы. Должна ли она тогда вытолкнуть его из своего гнезда, оставив умирать от голода? Нет! Потому что этому кукушонку необходима помощь, а его биологической матери нет поблизости. Самым правильным было бы его выкормить. Такой случай ничем не отличается от заботы о сироте, которого тайком подбросили к вам в дом. В общем, быть альтруистом — это хорошо. Все, что я утверждал выше в этом эссе, — лишь только то, что мы должны уметь примирить факты альтруистического поведения с теорией эгоистичных генов, и что моя теория паразитарной манипуляции наилучший способ этого добиться. Но я не делал никаких утверждений о статусе морали как таковой. Учитывая тот факт, что манипуляции (по крайней мере, иногда) вынуждают нас делать действительно правильные вещи, можно было бы сказать, что здесь мы имеем дело со счастливым совпадением. Когда гены других людей аморальным образом манипулируют вами, заставляя служить их интересам, они вынуждают вас делать то, что на самом деле является морально правильным. Более того, вы понимаете, что это правильно, оценивая свои действия как правильные, вполне рационально. Это моральное суждение само по себе способно мотивировать. Таким образом, существует своего рода двойная мотивация, или конвергенция причинно-объяснимых факторов: с одной стороны, вы считаете свой альтруистический поступок правильным, и это может мотивировать вас к его совершению; с другой стороны, моральный паразит, действуя на расстоянии, манипулирует вами в интересах того же поступка. Получается, что это правильный поступок: вы считаете его правильным и тем самым имеете мотивацию к его совершению, и вами (бессознательно) манипулируют для того, чтобы заставить его совершить. В примере с кукушкой и камышовкой действует, по-видимому, только второй тип причин, поскольку птицы не выносят моральных суждений. Но в случае с людьми мы имеем дело со сложной этиологией. Есть фундамент, состоящий из генов, детерминирующих базовую межличностную динамику, а также есть и надстройка из сознательных моральных суждений. Учиты-

вая цели эссе, нам важно понять, что альтруизм не вступает в противоречие с биологией, — напротив, альтруизм способен эволюционировать и сохраняться, причем достаточно надежно. Структурно альтруизм основывается на логике паразитизма на расстоянии. И, насколько я могу судить, это вполне совместимо даже со строго кантовским подходом к моральным рассуждениям и моральной истине. Просто в детерминации морального поступка задействованы два уровня моральной психологии.

Совместимость моей теории с моральным реализмом, однако, не означает, что все, что обычно включается в наше понятие морали, заслуживает там места. Если моя теория верна, то было бы разумным ожидать, что некоторые области традиционной морали заражены идеями, вытекающими из ее конечной основы. Избыточный акцент на представлениях о кротости, смирении, послушании, самопожертвовании, авторитете и всем таком прочем должен вызывать у нас крайнее подозрение, потому что все это пахнет манипуляцией и подчинением. Манипулятивная модель отношений делает каждого из нас простым средством для достижения целей других людей ('подстилкой для ног'), и этому мы обязаны сопротивляться как морально неприемлемому. Ведь мы не хотим, чтобы наша официальная мораль включала в себя 'мусор', всплывающий на поверхность из нашей биологической основы. Если кукушка рассматривает камышовку только как средство для достижения своих целей, требуя от нее безропотной покорности и самоуничтожительного смирения, пусть даже и подавая все это как невероятные добродетели, значит, у нее сильно смещены моральные ориентиры. Лучше думать о камышовке как об автономном агенте, которым она успешно манипулирует благодаря своим генам. Кукушка должна чувствовать некоторое раскаяние в отношении суррогатной матери ее детей. Кукушка обязана уважать животное, которым она манипулирует. Разумеется, если мы говорим о людях, то там манипуляции происходят с обеих сторон, — я манипулирую вами, а вы манипулируете мной. Тем не менее было бы неправильным возводить сам факт манипуляции в своего рода моральную добродетель, причем неважно какой именно из сторон. Нет никакой добродетели в том, чтобы быть объектом манипуляций, равно как нет никакой добродетели и в том, чтобы кем-то манипулировать. Так что теория о том, как альтруизм биологически возможен, не может быть преобразована в теорию о том, что именно должна содержать наша мораль.

Примечания переводчика

¹ Взаимный альтруизм (reciprocal altruism) — вид альтруистического поведения, который возникает между неродственными индивидами a и b , когда поступок a в отношении b в будущем возмещается некоторыми действиями со стороны b в отношении a [1, р. 35, 39; также см.: 2, р. 79–86; 3, р. 419–420; 4, р. 374–375; 5, р. 143]. Простейшей иллюстрацией подобного альтруизма в мире природы служит взаимопомощь представителей разных видов (мутуализм или симбиоз), — например, когда рыбы-чистильщики чистят ротовые полости более крупным хищным рыбам, которые, в свою очередь, воздерживаются от их поедания.

² Родственный альтруизм (kin altruism) — вид альтруистического поведения, ограничивающий круг бенефициаров альтруистических поступков со стороны индивида a совокупностью генетически родственными ему индивидами [6, р. 355; также см.: 2, р. 58–71; 3, р. 416; 4, р. 374–375; 5, р. 142–143].

Для правильного понимания альтруистического поведения (и родственного отбора) необходимо учитывать степень родства между индивидом *a* (как благодетелем) и индивидом *b* (как бенефициаром). Чем выше степень родства, тем выше вероятность того, что альтруистический поступок *a* в отношении *b* будет способствовать выживанию генов, поощряющих в будущем дальнейший альтруизм. Довольно часто обусловленное родственным отбором поведение индивидов не оценивается как источник подлинного самопожертвования, ведь, когда индивид *a* помогает родственному с ним индивиду *b*, он просто помогает той части себя, которая воплощена в генах его родственника [ср. с этим: 7–11].

³ В основе гипотезы группового отбора лежит идея о том, что естественный отбор действует не на отдельных индивидов, а на целые группы организмов. Предпочтение одной группы по сравнению с другими в ходе отбора влечет за собой закрепление и дальнейшее эволюционное развитие признаков, выгодных для представителей этой группы. В 1960-е и 1970-е годы гипотеза группового отбора подверглась резкой критике со стороны таких исследователей, как Джон Мейнард Смит [9], Джордж Уильямс [12] и Ричард Докинз [13]. Они полагали, что групповой отбор был изначально слабым эволюционным механизмом, а примеры альтруизма, где индивид имеет склонность совершать действие, которое выгодно не только ему самому, но в то же время приносит пользу и другим индивидам ('борьба с незваным гостем' и т.п.), лучше объясняются моделями родственного отбора. Побуждающий индивида вести себя альтруистично по отношению к своим (генетическим) родственникам ген часто благоприятствует естественному отбору, поскольку именно у родственников этого индивида выше шансы (чем простая случайность) тоже быть носителями данного гена. Модели родственного отбора довольно хорошо согласуются с эмпирическими данными, ведь в мире природы альтруистическое поведение индивида, как правило, направлено на его (генетических) родственников.

Библиографический список

1. Trivers R. L. The Evolution of Reciprocal Altruism // *The Quarterly Review of Biology*. 1971. Vol. 46, № 1. P. 35–57. DOI: 10.1086/406755.
2. Sober E., Wilson D. S. *Unto Others: The Evolution and Psychology of Unselfish Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 394 p.
3. West S. A., Griffin A. S., Gardner A. Social Semantics: Altruism, Cooperation, Mutualism, Strong Reciprocity and Group Selection // *Journal of Evolutionary Biology*. 2007. Vol. 20, № 2. P. 415–432. DOI: 10.1111/j.1420-9101.2006.01258.x.
4. Osiński J. Kin Altruism, Reciprocal Altruism and Social Discounting // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47, № 4. P. 374–378. DOI: 10.1016/j.paid.2009.04.011.
5. Segerstrale U. *Sociobiology, History of* // *The Encyclopedia of Evolutionary Biology*. Vol. 4. / Ed. R. M. Kliman. New York: Academic Press, Elsevier, 2016. P. 140–148.
6. Hamilton W. D. The Evolution of Altruistic Behavior // *The American Naturalist*. 1963. Vol. 97, № 896. P. 354–356. DOI: 10.1086/497114.
7. Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behaviour. I // *Journal of Theoretical Biology*. 1964. Vol. 7, № 1. P. 1–16. DOI: 10.1016/0022-5193(64)90038-4.
8. Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behaviour. II // *Journal of Theoretical Biology*. 1964. Vol. 7, № 1. P. 17–52. DOI: 10.1016/0022-5193(64)90039-6.
9. Smith J. M. Group Selection and Kin Selection // *Nature*. 1964. Vol. 201, № 4924. P. 1145–1147. DOI: 10.1038/2011145a0.
10. Foster K. R., Wenseleers T., Ratnieks F. L. W. Kin Selection is the Key to Altruism // *Trends in Ecology & Evolution*. 2006. Vol. 21, № 2. P. 57–60. DOI: 10.1016/j.tree.2005.11.020.
11. Birch J., Okasha S. Kin Selection and Its Critics // *BioScience*. 2015. Vol. 65, № 1. P. 22–32. DOI: 10.1093/biosci/biu196.
12. Williams G. C. *Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought*. Princeton: Princeton University Press, 1966. 307 p.
13. Dawkins R. *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press, 1976. 224 p.
14. Dawkins R. *The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 307 p.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

McGinn C. *Selfish Genes and Moral Parasites // Philosophical Provocations: 55 Short Essays*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. P. 229–239.

Ссылка на полный текст эссе:

https://www.google.ru/books/edition/Philosophical_Provocations/OAQxDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1&dq

Для цитирования

МакГинн К. Эгоистичные гены и моральные паразиты = McGinn C. *Selfish Genes and Moral Parasites* / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 127–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-127-135.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023 г.

© К. МакГинн

SELFISH GENES AND MORAL PARASITES

The essay raises questions about the origins of altruistic behaviour. A proper understanding of such behaviours must take into account the evidence of our best biological theories, which indicate that in the animal world (including *Homo Sapiens Sapiens*) there is no place for genuine altruism. What we often mistakenly call 'altruism' is the result of selfish genes.

Keywords: selfishness, altruism, selfish gene, manipulative behavior, foundations of morality.

References

1. Trivers R. L. The Evolution of Reciprocal Altruism // *The Quarterly Review of Biology*. 1971. Vol. 46, no. 1. P. 35–57. DOI: 10.1086/406755. (In Engl.).
2. Sober E., Wilson D. S. *Unto Others: The Evolution and Psychology of Unselfish Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 394 p. (In Engl.).
3. West S. A., Griffin A. S., Gardner A. Social Semantics: Altruism, Cooperation, Mutualism, Strong Reciprocity and Group Selection // *Journal of Evolutionary Biology*. 2007. Vol. 20, no. 2. P. 415–432. DOI: 10.1111/j.1420-9101.2006.01258.x. (In Engl.).
4. Osiński J. Kin Altruism, Reciprocal Altruism and Social Discounting // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47, no. 4. P. 374–378. DOI: 10.1016/j.paid.2009.04.011. (In Engl.).
5. Segerstrale U. *Sociobiology, History of* // *The Encyclopedia of Evolutionary Biology* Vol. 4. / Ed. R. M. Kliman. New York: Academic Press, Elsevier, 2016. P. 140–148. (In Engl.).
6. Hamilton W. D. The Evolution of Altruistic Behavior // *The American Naturalist*. 1963. Vol. 97, no. 896. P. 354–356. DOI: 10.1086/497114. (In Engl.).
7. Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behaviour. I // *Journal of Theoretical Biology*. 1964. Vol. 7, no. 1. P. 1–16. DOI: 10.1016/0022-5193(64)90038-4. (In Engl.).
8. Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behaviour. II // *Journal of Theoretical Biology*. 1964. Vol. 7, no. 1. P. 17–52. DOI: 10.1016/0022-5193(64)90039-6. (In Engl.).
9. Smith J. M. Group Selection and Kin Selection // *Nature*. 1964. Vol. 201, no. 4924. P. 1145–1147. DOI: 10.1038/2011145a0. (In Engl.).
10. Foster K. R., Wenseleers T., Ratnieks F. L. W. Kin Selection is the Key to Altruism // *Trends in Ecology & Evolution*. 2006. Vol. 21, no. 2. P. 57–60. DOI: 10.1016/j.tree.2005.11.020. (In Engl.).
11. Birch J., Okasha S. Kin Selection and Its Critics // *BioScience*. 2015. Vol. 65, no. 1. P. 22–32. DOI: 10.1093/biosci/biu196. (In Engl.).

12. Williams G. C. *Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought*. Princeton: Princeton University Press, 1966. 307 p. (In Engl.).

13. Dawkins R. *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press, 1976. 224 p. (In Engl.).

14. Dawkins R. *The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 307 p. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, RAS, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

McGinn C. Selfish Genes and Moral Parasites / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 127–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-127-135.

Received January 09, 2023.

© C. McGinn